

**ТРАДИЦИИ ПРОПОВЕДИ В АКТОВЫХ РЕЧАХ ПРОФЕССОРОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)¹**

Автор рассматривает проповедь как основу, на которой в последующем происходило конструирование других текстов культуры. В данном случае цель исследования – изучение влияния традиций проповеди на речи профессоров на торжественных актах в университетах Российской империи второй половины XVIII – первой трети XIX в. Сравнение осуществляется по таким параметрам как целевая аудитория, структура, тематика, риторика, аргументация, авторитетный топос. Констатируется значительное влияние традиций проповеди на актковые университетские речи. Однако в целом можно утверждать, что в актковых речах профессоров устоявшиеся традиции соединились с риторическими и идейными новациями.

Ключевые слова: традиции проповеди, актковые речи, университеты, культурное наследование, риторика

Актковые речи профессоров университетов относительно недавно стали привлекать внимание исследователей. Долгое время они виделись «стереотипными», их не без оснований называли «панегириками», в которых «единогласно славились правление и все мудрые учреждения монарха»². Попробуем рассмотреть эти речи в другом ракурсе³.

Задача состоит в том, чтобы сравнить актковые речи и проповеди, проследить процесс рецепции традиций проповеди, а значит, выявить культурные основы такого нового для России явления как актковые речи профессоров. Сегодня исследования С.С. Аверинцева, В.М. Живова, Ю.В. Кагарлицкого, Е.И. Кисловой позволяют понять такое сложное явление как проповедь XVIII в. [Аверинцев 1996; Живов 1996; Кагарлицкий 1999; 2000; 2000(а); Kislova 2014]. Работы Ю.В. Кагарлицкого

¹ В основу статьи положен доклад на конференции «Проповеди в религиозной и культурной политике и практике России и Европы, XVIII – начало XIX в.» (Германский исторический институт в Москве, 26–27 августа 2016 г.).

² Как отметил еще С.П. Шевырев, «некоторые замечательные речи посвящены исключительно этой цели» [Шевырев 1998: 242].

³ Изучены речи московских, казанских и харьковских ораторов со второй половины XVIII в. до 1820-х гг., но для сравнения использовались и речи середины XIX в. Общую характеристику актковых речей см.: Посохов 2008; 2011; 2015. Актковые речи в университетах – не первые образцы светской ораторской прозы. Им предшествовали светский панегирик и академические речи во время проведения «публичных ассамблей» в Академии наук. Как отметил А.А. Костин, «В торжественных речах Академии наук проявилась впервые на русском языке и та структура научной речи (обусловленная многовековой европейской риторической традицией), которая была воспринята в Московском университете» [Костин 2010: 421].

позволили осуществить компаративный анализ церковных и светских текстов. В монографии Е.М. Матвеева [Матвеев 2009] сопоставлены церковные проповеди и светская ораторская проза преимущественно елизаветинского периода, но ряд выводов и наблюдений автора приложимы и к более позднему времени. В некотором смысле проповедь можно рассматривать как вместилище протодискурсов, как основу, на которой происходило конструирование многих других текстов культуры. С.С. Аверинцев в своей книге «Риторика и истоки европейской литературной традиции» упомянул эпиграмму французского поэта П.Д. Экушара-Лебрена (1729–1807), где речь идет о том, что Век Просвещения «побуждает проповедовать всюду, только не в церкви» [Аверинцев 1996: 332]. Это до известной степени приложимо и к России.

Актовые речи и проповеди: черты сходства

Говоря о влиянии традиций проповеди на актовые речи, мы исходим из того, что разрывов в культуре не бывает. Учитывая определенное хронологическое совпадение и тесную взаимосвязь светского и духовного в то время, найти “проповедничество” в речах не так сложно. Сложнее доказать факт влияния, интерпретировать сходства и различия, проследить эволюцию формы и содержания.

Устные выступления. Близость актовых речей к проповедям можно усмотреть уже в том, что и те, и другие являют собой устные выступления перед слушателями. Об этом свидетельствуют обращения: «Достопочтеннейшие Посетители!», «Почтеннейшие слушатели!», «Высокоименитое собрание!» и т.п. Конечно, можно встретить и обращения, направленные к широкому читателю («Блаженные Россы!»), но чаще встречаем непосредственное обращение к публике («Собравшись ныне в сие святилище наук, Почтенные Посетители...»). Порой используются риторические приемы, подразумевающие более тесный контакт с аудиторией («Возможно меня наградят пренебрежительной усмешкой...») или «Но и где ж – скажите!», «позвольте мне...»). Нередко выражается надежда на одобрение публики: «Я не тщетно надеюсь, ожидая от вас, Почтеннейшие Слушатели, благосклонного внимания, хотя способность моя должна быть гораздо больше, и красноречие сильнее, чтоб удовлетворять столь просвещенное собрание» [Рейхель 1762: 3]; «Итак удостойте же и меня Государи мои! ныне своего внимания, своей благосклонности» [Белен-де-Баллю: 54]. Заметен акцент на присутствии других профессоров: «Признаем в сем событии, Почтенные Сочлены, несомнительное предназначение долга и обязанностей наших...»; «Почтенные посетители! Под вашим надзором я воспитывался и учился; вижу здесь многих, некогда одобрявших мои, незрелого юноши, успехи в науках...» [Перевошиков 1814: 4]; «дражайшие мои сотрудники на неозримом поприще просвещения» [Стойкович 1811: 4]; «любезные мои товарищи» [Лобачевский 1987: 172]. Да, это не традиционное для про-

поведи «братья и сестры», но все же... Вообще, и в современных университетах в подобных выступлениях (и даже в некоторых лекциях) можно обнаружить своего рода «проповедничество» (по С.С. Аверинцеву, «совещательный» род красноречия, т.е., когда говорящий «увещает» слушающих) [Аверинцев 1996: 411 (прим. XIII, 3)]. Созвучие проповедей и речей можно усмотреть уже в том, как они озаглавлены. Название многих актов речей, особенно в XVIII в., начинается как «Слово...». В гомилетике «слово» – проповедь особого типа, причем определяющим критерием выделения этого жанра является не тема, а именно совершенство формы церковной проповеди [Матвеев 2009: 19 прим.].

Ритуальная форма. Оценивая органичность связи проповеди и актовой речи, важно понимать, что в анализируемый период религиозное и светское в университетах было в ином соотношении нежели в более позднее время. Университет как таковой был уподоблен храму. В актовых речах мы постоянно встречаем такие словосочетания: «храм наук», «святилище Наук», «Храм просвещения», «почтенное сие наук святилище», «храм истины святых», «Монаршей милостию щедренный наук храм», «вертоград боговдохновенного Его насаждения». В некоторых речах университет характеризуется теми словами, которыми традиционно оперировали при описании храма, например: «В сем самом храме, навсегда отверстом Священной Десницею, указавшею быти в нем востоку благодетельного света на юге вселенныя владычества своего, здесь подобает совершать чистую жертву в умиленном преклонении сердец, благодарностию дышущих <...>, здесь беспримерным Твоими благодеяниями упоенные, созидаем в сердцах наших олтарь славы и величия Твоего...» [Шумлянский 1808: 4]. И позже, в середине XIX в., во время празднования 100-летия Московского университета С.П. Шевырёв фиксирует связь «храма Божия» и «храма наук»: «С самого зародыша, благословение Божие опочило на этом народном рассаднике всемирного учения. Первым попечением Шувалова и Мелиссино, храм Божий стал у нас твердо возле храма наук, ему опорой и освящением» [Шевырев 1855: 34]. Иногда (чаще в речах иностранцев) делался акцент на метафоричности слова «храм». Например, это выражено в таких высказываниях: «сей Музам посвященный Храм»; «сие посвященное Музам жилище»; «в сем обиталище Муз», «Се отверст храм Минервы...»⁴.

Соответственно пониманию университета как «храма наук» сделан акцент на подходящих этому месту практиках и благочестии как таковом: «Ученые убо должны вести жизнь свою так, чтоб она во всем соответствовала их учению, чтобы во всех их поступках предводитель-

⁴ Такие метафоры не были новыми. Так, студенты Харьковского коллегіума встречали Екатерину II латинскими речами, в которых о коллегіуме говорилось как о «храме наук», «соборе Парнасских муз» [Лубяновский 1872: 101–102].

ствуемы они были истинною добродетелью, страхом Божиим, непорочною и чистою совестью, и благоразумною во всем осмотрительностью» [Чеботарев 1779: 25]. Упоминания о профессорах как «жрецах святилища наук», «наставниках» и «пастырях», а также о «причащении наукой» в первой половине XIX в. станут весьма распространенными [Рославский-Петровский 1855: 4; Неслуховский 2008: 213]. Это засвидетельствовано в речах: «И сословию ученых <...> предложит преличное в обществе служение» [Эрдман 1815: 4]. И это “служение” как сами профессора, так и окружающие связывали не только с государственной службой, но понимали как священнодействие, подобное тому, которое совершали служители церкви. Профессор Х. Роммель так подал это в своей речи «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения»: «О преславный и божественный свет истины! о когда бы ученые никогда не забывали, что обязанность их есть питать и хранить тебя! [...] Твоими священнослужителями и вещателями и мы быть долженствуем» [Роммель 1811: 57–58]. Сын харьковского профессора Г.П. Успенского, основываясь на семейном опыте и своих детских впечатлениях, так охарактеризовал этот вид деятельности: «Я смело сравню всякого ученого мужа со священником, стоящим перед жертвенником в часы молитвенных отправлений, и спрошу: что можно сказать о его характере? Так и служитель науки перед своим жертвенником является существом духовным, как бы бестелесным» [цит. по: Багалея 2004: 786].

Религиозные ритуалы были частью университетской повседневности, именно для этого при чебных заведениях возникли домовые церкви. И сами торжественные акты начинались «благодарственным молебствием», а заканчивались не только гимном «Боже, Царя храни», но и пением «Тебе Бога хвалим». В торжественный день 5 ноября в Казанском университете выносили «ковчег из цельного красного дерева» с утвердительной грамотой и уставом [Булич 1904: 364, 367]. Торжественные университетские акты гармонично синтезировали православные обряды со светскими ритуалами, напоминавшими придворные церемониалы, они приобретали вес ритуальной формы, служили способом сакрализации ценностей новой российской культуры [Сиповская 2000: 36].

Результат диалога субкультур. Духовенство активно участвовало в процессе становления университетов и университетских традиций в Западной Европе и в России⁵. Характерны слова о «пользе наук» Слободско-Украинского епископа Христофора Сулимы и ректора Харьковского коллегиума соборного протоиерея, известного проповедника Андрея Прокоповича при открытии Харьковского университета. Епископ

⁵ При этом следует учесть принципиальное отличие: в университетах Российской империи не было теологических факультетов (за исключением Дерптского университета), а духовенство получало образование в семинариях и духовных академиях.

сказал: «устроается в граде сем новый храм – храм Богом избранный и Монархом утвержденный... Нет важнее и основательнее истины той, что науки, сей священный дар небес, человеку во всех состояниях полезны и необходимо нужны» [цит. по: Багалея 2004: 213–214]. Воспринималась эта речь как проповедь, а она и была проповедью, ведь произносилась после совершения им божественной литургии в Успенском соборе, куда пришла торжественная процессия с Утвердительною грамотой, а затем были освящены здания университета, и уже в здании университета произнесена речь протоиереем Андреем Прокоповичем.

Даже говоря о сферах деятельности выпускников университета ораторы упоминали церковь. П.А. Сохацкий, который сам был сыном священника и воспитанником Киевской академии, отмечал, что Московский университет может «похвалиться» тем, что из него вышли «Достойные Первосвященники и Пастыри Церкви, высокие Министры, проницательные Политики, мудрые Градоправители, правотворные судии, знающие письмоводцы, искусные врачи, даже отличные военнослужащие...» [Сохацкий 1805: 24]. Многие профессора были воспитанниками духовных семинарий, либо их отцы были священниками. Так, воспитанниками Харьковского коллегияма были два ректора Харьковского университета (В.Я. Джунковский и А.Ф. Павловский), попечитель Харьковского учебного округа Е.В. Карнеев, немало профессоров и преподавателей. Аналогичный личный опыт был и у профессоров-иностранцев: например, у монаха Иоганна Шада или известного богослова Людвиг Якоба (его труды «О бессмертии души» и «Сущность Бога» были удостоены высших наград Лейденского и Гаарлемского научных обществ). В период подготовки к открытию Харьковского университета первый попечитель С.О. Потоцкий предлагал даже открыть в нем специальное богословское отделение. Эта идея не была поддержана, но в первой половине XIX в. богословие занимало около 15% учебного времени в общем объеме дисциплин. Профессора богословия не только присутствовали на торжественных собраниях в университете, но и сами выступали с речами, выдержанными в традициях проповеди, как речь профессора богословия и церковной истории Московского университета архимандрита Московского Богоявленского монастыря Иннокентия (Платонова) [Иннокентий 1825]. Профессора богословия в своей преподавательской деятельности делали специальный акцент на красноречии и даже готовили соответствующие учебные материалы [см.: Могилевский 1824].

Чтобы понять, как традиции проповеди могли проникать в университетскую среду, нужно учесть и личное общение профессоров и священнослужителей. Д.И. Багалея писал об активном взаимодействии приехавших в Харьков профессоров с местным духовенством: «Самую видную роль в городе играла наименее многочисленная, но наиболее образованная группа населения – чиновники, дворяне и духовенство.

Профессора вновь основанного университета, естественно, примкнули к последней и заметно усилили собой ряды местной интеллигенции», а епископ Христофор Сулима охотно принимал у себя профессоров, причем не только русских, но и иностранцев [Багалей 2004: 897, 900]. Слово “естественно” использовано не случайно. Багалей указывал, что профессоров и местное духовенство сближали общие педагогические и научно-литературные интересы. Заметим, что духовенство являло собой не только группу интеллектуалов, имевшую определенную общность целей с университетскими профессорами, но и людей, способных понимать (не только в переносном, но и прямом смысле) прибывших в город профессоров. Р.М. Цебриков вспоминал о том, что во время визита к архиерею он застал там профессора Шада, «который говорил с ним [архиереем. – С.П.] по-латыни весьма чисто, плавно и скоро» [Цебриков 2013: 126]. На латыни обратился к Х. Роммелью во время венчания даже сельский протопоп [Роммель 2001: 138]. В воспоминаниях Роммель отметил «толерантность» местного духовенства [там же: 117].

Университетские профессора, особенно профессора словесности, обращали специальное внимание на традиции проповеди. Об этом свидетельствуют, в частности, речи профессоров Казанского университета Г. Городчанинова «Рассуждение о превосходстве Библейского и Св. Отцев красноречия над витийством древних языческих писателей» (1820) и Г. Суворцева «О духе христианского проповеднического красноречия, сравнительно с древним языческим» (1825).

Ораторы и публика. Как отметил Ю.В. Кагарлицкий, в XVIII в. проповедь произносилась высокоученым духовным лицом перед знатной публикой и урбанизированным служилым населением [Кагарлицкий 2000: 247]. Нечто подобное мы имеем в случае с актовыми речами. Как правило, их произносили авторитетные университетские профессора по поручению начальства. В одной из речей об этом прямо говорится: «Имея *препоручение* [курсив мой. – С.П.] занять вас, Милостивые Государи, на несколько минут, при нынешнем торжестве тезоименитства лучшего из Монархов...» [Делавинь 1818: 41]. Некоторые профессора выступали многократно: из названных С.П. Шевыревым более 90 речей московских профессоров, озвученных во второй половине XVIII – начале XIX в., С.Г. Зыбелин выступал девять раз, Д.С. Аничков и С.Е. Десницкий по шесть, И. Рост и И. Шаден – по пять раз, что, возможно, свидетельствует о популярности этих докладчиков, но кто-то из них мог сам проявлять инициативу. Выступали они перед представителями местной элиты и “просвещенных слоев”, о чем свидетельствуют обращения: «Почтеннейшие Сograждане!», «самые замечательные слушатели из всех сословий», «великодушное казанское дворянство», «осмеливаюсь я предложить здесь слово мое среди собрания градоначальников и граждан всякого звания» и т.п. Даже, когда речь шла о присутствующ-

щих студентах, ораторы не забывали отметить их «благородство»: «Ныне к вам обращаюсь, благородные Российские юноши!»; «Благородные юноши! любовью к наукам в сие святилище оных приведенные!».

Структура. Можно сказать, что структура речей подобна структуре проповедей. Обращает на себя внимание наличие длинного вступления, которое часто не имеет ничего общего с темой речи, а скорее призвано подчеркнуть торжественность момента: «С достолюбезным благоговением празднуя всерадостнейший день сей, Тезоименитства Всемилостивейшего Нашего Государя Императора <...> Какою неопи-санною радостию восхищаются ныне мужественные защитники святыя веры, церкви, чести и славы Монарха Своего...» [Успенский 1809: 33]. Примечательны и концовки речей, например: «...и во всех действиях ваших да будет вам руководством сия священная истина: *начало премудрости страх Господень*»⁶ [Джунковский 1819: 40]. Часто в конце текста высказаны пожелания здоровья царствующей особе и представителям царствующего дома, вплоть до супруги наследника престола, как, в речи Дмитрия Аничкова: «Прославим убо в душах наших и телесах наших толико благодеющего нам Создателя...»; «Молим також Тебя, всеблагий Боже! Сохрани во всецелом здравии и Наследника Ея..., купно с дражайшею Его Супругою, Благоверною...» [Аничков 1783: 25].

Такая структура характеризовала уже первую речь, посвященную собственно научной проблеме, прозвучавшую в публичном собрании Академии наук (речь Семена Крашенинникова «О пользе наук и художеств», 1750 г.). А.А. Костин назвал ее «трехчастной»: основную часть обрамляли два панегирика императрице, а в конце речи неизменно следовала мольба к Всевышнему о сохранении здоровья императрицы и наследников, причем «зачастую язык этих коротких молитв приобретает подлинно церковные формы» [Костин 2010: 421, 423]. Далекое не все тексты строятся по такой схеме, она более характерна для речей российских профессоров, чем для профессоров-иностранцев. Но в целом проблема наследования традиций проповеди имеет общеевропейский характер, и это наблюдается как в середине XVIII в., так и в начале XIX в. И. Рейхель в 1762 г. завершил свою речь так: «Сей же промысл Все-вышнего, да хранит надежу Российского государства в священнейшей особе Пресветлейшего ЕЕ Наследника, Государя Цесаревича, Павла Петровича; да подаст Ему премудрое сердце, и душевные совершенства, почитаемые от всего света в премудрой Его Матери!» [Рейхель 1762: 3].

⁶ Курсивом автор выделил слова из Библии (Притч. 1, 7), но источник цитирования не указал. Это вполне соответствует выводу Е.М. Матвеева о том, что в светском панегирике широко используется библейский и богослужебный текст, но, в отличие от церковной проповеди, «скрыто». В проповеди же все цитаты выделены – проповедник, как правило, ссылается на первоисточник, и цитаты оформляются в печатном варианте ораторских произведений курсивом [Матвеев 2009: 131].

Л. Якоб завершил свою речь 1808 г. следующими словами, обращенными к Богу: «А ты, всеблагое Существо, без коего все наши предназначения тщетны, ты, Который обширные меры, равно как и малейшую пылинку с одинаковою премудростию устроил! Тебя ныне молим о покровительстве и помощи во всех наших предназначениях. Сохрани Мудраго САМОДЕРЖЦА Нашего... Излей милость твою на все храмы наук сея Империи и украси Попечителей и наставников их мудростию. Благослови сей град и нас» [Якоб 1808: 86].

Авторитетный топос. Сходным является и т.н. авторитетный топос (топос, задаваемый сакральным текстом, вероучительной доктриной или религиозной практикой [Кагарлицкий 2000: 248]). Вторая половина XVIII в. историками русской проповеди характеризуется как эпоха нравственно-практической проповеди. Морализаторство – лейтмотив большинства актовых речей, и это явление выступает в традиционном для проповеди варианте, хотя и с определенным акцентом на рациональном⁷. Яркий пример – речь Дмитрия Аничкова, в которой он напоминает, что Бог «по образу и подобию» сотворил человека, что «душа действует на тело» и т.д., часто цитирует Библию [Аничков 1783]. Но и позже ораторы рассуждали подобным образом: «Чтобы определить, в чем состоит истинная цель образования человека <...> для сего надобно вспомнить предназначение создания человека. Откровение – сия божественная книга <...>; назначение создания человека было прославление благодати всемогущего Творца и собственное благополучие человека» [Филомафитский 1818: 31]. Кажется, что это типичная проповедь, так мог выступать и священник. Причем связь с богословием отрефлексирована: «...по точному смыслу все безчисленные роды Наук и Искусств не что иное суть, как одно Богословие» [там же: 34]. Соответственно, часто призывы светских и церковных деятелей очень схожи. Так, казанский экстраординарный профессор И.Е. Срезневский говорил: «Посему нет ничего справедливее сего начала: Делай то, что согласно с Божескою волею. Воля сия открыта в писаниях мужей, Духа Божия исполненных; ее проповедует нам святая церковь» [Срезневский 1817: 20].

Для речей, как и для проповедей, характерен призыв к традиционализму: «Заслуги отца или деда как бы насильно убеждают сына или внука подражать добродетелям оных» [Успенский 1809: 42]; «Тако толпы незрелых умов, присвоивая себе имя преобразителей, с небрежением пробегают мимо мужей, опытными сведениями украшенных, почитаемых людьми старого века» [Гимковский 1808: 14]. В том числе и патриотические призывы часто выступали в форме традиционализма.

⁷ Такой подход можно встретить и в более ранней светской ораторской прозе (и даже его обоснование М.В. Ломоносовым). Таким образом, можно говорить о довольно глубокой традиции. Об этом см.: [Елеонская 1987].

Риторика. Сравнивая актовые речи и проповеди, безусловно, следует сказать о риторике. Ю.В. Кагарлицкий отметил, что проповедь являет собою такой тип словесного творчества, когда происходит манипуляция авторитетной топикой в интересах текущей ситуации [Кагарлицкий 2000: 248, 254]. Принцип актуализации заметен и в речах. Например, И. Ланг, произнося речь «Об изучении юридических и политических наук» (1810), упомянул о законе 1809 г., в соответствии с которым чиновники обязаны были слушать лекции в университете: «О каком предмете достойнейшем сего места и сего торжественного собрания я говорить могу, если не об изучении тех наук, в коих впредь наставляемы будут гражданские чиновники?» [Ланг 1810: 87]. В ряде случаев ораторы непосредственно посвящали свои речи актуальным событиям. Такова речь профессора И. Шада «О возвращении Европе свободы», в которой автор использовал известные риторические приемы для прославления Александра I, в частности, противопоставил его Наполеону с использованием сакральных архетипов (Силы добра и Силы зла, Свет и Тьма). Наполеон назван «фурией, изшедшей из ада [...], терзавшей Европу», «злодеем, которого престол разрушен, столько был противен всякой вере и особенно Христианской, что по справедливости страшный властитель сей может назваться врагом Спасителя» [Шад 1815: 1, 2]. Не менее ярко охарактеризована победа: «...победа, ныне празднуемая [...] от самых ироических времен, подобной и спасительной для рода человеческого не обретаем»; «...победу сию почесть можно новым искуплением роду человеческому свыше ниспосланным» [там же: 2]. Речь характеризуют эмоциональность и образность: «Благославляю вас, войны, страшные для матерей чадолюбивых и для мужей робких, – войны, произведенные за доброе дело, за свободу, за достоинство!». «[Москва] ...падением своим ты вознеслась выше всех градусов земных...»; «Повергаясь на землю и обнимая твои развалины, твой пепел, твою могилу, обожаю их как прах священный; взирая на них вкушаю некое божественное восхищение...» [там же: 25]. Порою речи имеют даже тональность молитвы: «В смирении сердечном должно искать света истины и премудрости; и тогда обильною струею изльется он в души ваши и озарит пути жизни вашей. Тогда потечет она, как светлый ручей среди прекрасных долины и от сладостных прохлад ея сердца ваши исполнятся веселия» [Срезневский 1817: 28].

Тематика. Интересный результат дает анализ тематики актовых речей. Ю.В. Кагарлицкий отметил, что ученая проповедь XVIII в. представляет собой шаблонный, заведомо вторичный, принципиально несамобытный текст [Кагарлицкий 2000: 253]. Большая часть речей также не отличается особой новизной. В них много шаблонного и в структуре, и в содержании. Это прослеживается и в тематике. Значительная часть речей посвящена схожим темам: о связи души и тела, о пользе

«нравственного просвещения» и т.п. Иногда фиксируется прямое созвучие в речах разных ораторов. Например: И. Шад «О возвращении Европе свободы» (1814) и Н. Бекетов «О содействии России благу Европы» (1817); Х. Чеботарев: «...какое обучение лучше: домашнее или публичное?» (1779) и Я. Беллен де Баллю «Общественное или домашнее воспитание преимущественнее» (1807). При всем видимом разнообразии тематики речей, большинство из них так или иначе направлены на проблемы воспитания, нравов, нравов. Зафиксировать тематический спектр речей сложно, так как они выдержаны в назидательном тоне, и их авторы все время выходят на более общие проблемы, нежели те, которые задекларированы. Собственно, это также характерно для проповеди (особенно «назидательной»). Роль нравов не однократно была отрефлексирована ораторами: «Человек без Нравов есть слепец, бродящий во тьме» [Перевощиков 1814: 9]. Причем сами выступавшие понимали, что они не оригинальны, актуализируя такого рода темы: «Воспитание – знаю, что этот предмет не нов уже [...] Но он столь важен, что повторение, частое напоминание о нем никогда кажется неизлишнее» [Филомафитский 1818: 31]. Религиозный подход является здесь определяющим. В связи с этим, такие речи в историографии стали характеризоваться как архаические, а применительно к началу 1820-х гг. и как реакционные. Действительно, с момента создания Министерства духовных дел и просвещения во главе с А.Н. Голицыным религиозное (и даже мистическое) начало в университетах усилилось, что отразилось и на актовых речах. Как пример можно привести речь ректора Казанского университета профессора Г. Никольского «Слово о достоинстве и важности воспитания и просвещения, основанных на Вере Христианской» (1821). В ней он, среди прочего, не преминул выступить против «вольномудства»: «...сей дым кладезя бездны и сии надменные волны лжемудрия, от которых все вещи двинулись с мест своих, коснулись и нашего Университета» [Никольский 1821: 31]. Во второй половине XIX в. появилась, а в советское время стала господствующей тенденция видеть в светском прогрессивное начало, а в духовном (церковном) – исключительно реакционное. Очевидно, что долгое время (и многие) на университеты смотрели как на воспитательные учебные заведения. Как результат, «нравственное воздействие» усматривали в усвоении религиозных постулатов.

Панегирический тон. Панегирики стали неотъемлемой частью многих актовых речей (вспомним о панегирическом типе проповедей⁸). К примеру, речь Е. Сырейщикова «О пользе нравов при воспитании юношества, произнесенная “на высокотождественный и всерадост-

⁸ Панегирик как жанр светской и церковной ораторской прозы XVIII века подробно проанализирован Е.М. Матвеевым [Матвеев 2009: 21].

ный день восшествия на престол» [Сырейщиков 1783]: панегирик в начале этой речи столь обширен, что утрачивает характер введения. Иногда авторы даже переходили от прозы к поэзии: цитируя чужие стихотворения (Перевошиков 1814) или сопровождая речь своими ораториями (Срезневский 1814). Панегирики встречаются и в речах иностранцев. Так, И. Гут в 1809 г. произнес «Оду Александру» в стихах. Впрочем, в этом случае следует задаться вопросом: монархизм здесь выступает как элемент религиозной доктрины или просветительской идеологии? К этому вопрос мы еще вернемся. Но, поскольку в данном случае говорим о сходстве проповедей и речей, то следует отметить, что типичный для проповедей вариант сакрализации монарха можно обнаружить и в речах. Таким примером может стать заключительная часть речи Матвея Афонина [Афонин 1774: 40]. В речи Ильи Тимковского император Александр I назван “Вседержителем” [Тимковский 1811: 1]. Названия некоторых речей уже сами по себе свидетельствуют об их направленности: речь профессора российского красноречия и поэзии Харьковского университета Ивана Срезневского «Слово о благодарениях Промысла Божия, в Царствование благословенного племени Романова на Россию ниспосланных» [Срезневский 1815]. Его речь завершается «ораторией», где есть такие слова: «Блажен, блажен наш край полночный! Блажен Народ Российских стран! Днесь нами правит Гений мощный; Сей Гений Богом ниспослан» [там же: 34].

Актовые речи и проповеди: отличия. В ходе сопоставления фиксируются не только сходства, но и отличия речей от проповедей.

Письменный текст. Проповедь – это ораторский жанр, предполагающий однократное устное исполнение, хотя этому и предшествует письменный текст. О том, что актовые речи в большей степени письменный текст, который предназначался для печати, свидетельствуют ссылки (их немного, но они есть) и примечания. Тексты могли дорабатываться уже после выступления [см., например, Reith 1812: 63].

Нередко тексты структурированы, в них выделены подзаголовки, отмечены нумерацией отдельные части. При подготовке таких речей на автора, очевидно, влияла и несколько иная мотивация. Так, профессор Эрдман в своей речи после очередного вопроса («Но какая слава ожидает ученого, какая похвала сопровождать его может?») делает такой вывод: «Конечно не рукоплескания презирующей его черни, а одобрение немногих отличнейших особ и память потомства...» [Эрдман 1815: 6]. Сделаем акцент на “памяти потомства”, предполагалось, что речь является авторским текстом, вкладом в дело большой длительности.

Аргументация. В речах профессоров мы встречаем иную аргументацию. Ю.В. Кагарлицкий использовал понятия «ресурсы убедительности» и «аргументативная техника». Да, в речах нередко можно встретить такие аргументы как цифры (статистику), упоминание кон-

кретных исторических фактов, используются политические аргументы, в частности указания на дела предшествующих российских монархов. Нередко слушатели (и читатели) ориентируются ораторами на имеющийся опыт: «Примеры научают лучше, нежели толкования и книги» [Лобачевский 1987: 176]. Внимание постоянно уделяется цивилизационному опыту: «Одни Саксонския княжеския училища половину округа снабдили искусными чиновниками и для всей Германии доставили великое множество знаменитых ученых мужей»; «Где искусства, человеческого жизнь украшающая, наиболее преуспевали? Без сомнения, там, где в продолжительном течении времени царствовала свобода рассуждений и исследований» [Якоб 1808: 69]. Л. Ванноти приводил примеры из медицинской практики: «Сколь ран, почитавшихся прежде за неизлечимые, научила исцелять новая хирургия...»; «По крайней мере вскрытие тел доставило нам несомненные признаки...» [Ванноти 1818: 46]. Уже декларируя свою тему, некоторые ораторы акцентировали внимание на опыте как весомом аргументе: «Позвольте мне высказать свое мнение относительно данного предмета без ораторской напыщенности, но основанное на доводах, рассудках и на опыте» [Nöldechen 1815: 1]. Сами науки виделись как аккумулированный опыт: «науки суть ни что иное как опыт всех людей до нас живших» [Перевощиков 1814: 8]. Порой обращали внимание и на личный опыт собравшихся: «научает нас ежедневный опыт...» [Ванноти 1818: 31].

Новые авторитеты. Если исконную функцию церковной проповеди выполнял комментарий к прочитанному за литургией евангельскому отрывку [Матвеев 2009: 74], то в актовых речах эту роль начинают играть мнения ученых, писателей, исторических деятелей. Часто ораторы непосредственно апеллируют к этим именам: «Вам свидетельствуют в сем случае, Линней, творец естественной Истории; Бель, основатель опытной физики; Невтон, ты, коего ум будучи восхищен благородною отважностью пустился первый в небеса, проник в намерения Всевышняго, и открыл нам непроницаемую доселе тайну сотворения мира...» [Белен-де-Баллю 1807: 58]. Причем они упоминают имена не только «классиков», но и современников. Так, Л. Ванноти приводит мнения современных ему западноевропейских врачей, ссылается на защищенную диссертацию и т.д. [Ванноти 1818: 46–47].

Рационализм. Отличительной чертой многих речей является очевидная приверженность их авторов принципу рационализма. При всей внешней напыщенности речей важно заметить, что некоторые из них громко и ясно заявили о разуме как основе познания. Тем самым в сознании людей утверждалась возможность рационального познания истины. Как писал И. Шад, «искание истины и добродетели не только не превыше сил наших, но еще сама природа (вливающим в нас) чувством истины и честного беспрестанно нас к тому поощряет» [Шад 1807: 37],

«в сем расположении следовать внушениям разума состоит все достоинство человека» [там же: 41]. Более того, по его мнению, «искание истины и добродетели никакими не ограждено пределами» [там же: 46]. Такие размышления светских лиц с “высокой трибуны” о человеке и его предназначении, особенно в провинциальной среде поначалу воспринималось как откровение. Заметим, что при этом «размышления» трактовались как «спутник радости», «удовольствие» [Umlauf 1806: 15–16]. Слушателям предлагалось поразмышлять вместе с оратором: «Разсмотрим их без пристрастия, разберем без предубеждения и руководствуясь единственно личными вашими и ваших детей выгодами, разыщем, которым из оных двух способов можно вернее достигнуть цели предполагаемой в воспитании» [Белен-де-Баллю 1807: 55]. Одновременно, слышится отрицание схоластических рассуждений: «Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения. Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что изобретено одним праздным умом» [Лобачевский 1987: 174]. При этом авторы не считали рационализм основой для безбожия. Наоборот, они декларировали, что именно невежество – это путь к безверию: «Одно познание природы и любознательность могут расторгнуть узы суеверия, в которых пребывают грубые народы. Они одни могут святыя истинны веры освободить от примеси изуверства и довести до источника добродетелей. Одно только полупросвещение вовлекает в безверие и вольнодумство» [Якоб 1808: 69]. Впрочем, для обоснования такого взгляда нередко использовались, по сути, схоластические аргументы: «Как можно усомниться, чтобы Творец вселенной, которого признаем за существо благое, только с последним усилием ума дозволил достигать познания, самого необходимого для благополучия человека» [Лобачевский 1987: 176].

Неогуманизм. Актовые речи в ряде случаев демонстрируют следование принципам неогуманизма. Профессора выступали не только с обоснованием человеческого стремления к истине, но и отдавали дань чувственному, телесному: «...противно природе человека желать и искать только того, что надлежит до души, не имея ни малой связи с тем, что необходимо для чувственного тела» [Шад 1807: 42–43]. Подобным образом высказывались и российские профессора: «сравним нашего камчадала с просвещенным англичанином: кто из них наслаждается большим количеством удовольствий?» [Перевошиков 1814: 7]; «Жить – значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем» [Лобачевский 1987: 174]. Эти мысли кажутся банальными, но в то время они звучали весьма необычно. Как отметил Л. Яновский, «они не только были новыми, но их еще следовало постоянно повторять, учитывая общую инертность и нежелание образования в обществе» [Яновский 2004: 113].

Монархизм. Монархизм был органично вплетен в систему взглядов человека эпохи Просвещения, а затем и романтизма. В частности, для просветителей «истинный монарх» непременно покровительствует наукам и искусствам. Так рассуждали и авторы актовых речей: «о монархии без наук и художеств и понятия иметь прямого не можно. ...либо токмо отринув любовь к наукам и вольности, то истинно другого средства не остается кроме страха, которым надобно будет общества членов [...] с жестокостью принуждать наподобие скотов. [...] Правосудный государь и мудрый света наук не боится» [Шаден 1771: 18–19]. Подобная мысль звучала и в начале XIX в.: «Науки суть величайшее, единственное средство для Государей, и никто из вас не сомневается, что просвещенный Государь может быть истинным Государем»; «...с помощью Наук вникает в права человечества, в свои права, права своих подданных...» [Цветаев 1805: 41].

Утилитаризм. Многие ораторы стали рассуждать более утилитарно и менее пафосно. В этом виделась как мотивация деятельности ученого: «...причем и польза сограждан служит ему побуждением» [Эрдман 1815: 6], так и задачи наук: «...превосходство наук определять должно по тому, поелику оныя большую или меньшую человеческому роду пользу приносят» [Эразмус 1765: 4]. Утилитаризм стал принципом на основе которого часто происходил выбор выступающим объекта внимания: «Я намерен вам предложить о том, что всего драгоценнее для вас на свете; о том, что занимает всех нежными попечениями, одним словом, о ваших детях» [Белен-де-Баллю 1807: 54]. Другие обращали внимание на то, что «Выгоды жизни, частное богатство каждого гражданина, умножаются в народе соразмерно степени его познаний и пределам его образования» [Якоб 1808: 68]. Даже морализаторство порою выступало как утилитарное предложение воспользоваться определенной методикой [см.: Чеботарев 1779: 18]. Как отметил Д.И. Багалеи, «профессора того времени, особенно первого десятилетия [XIX в. – С.П.], умели выбирать живые, интересные темы, могшие иметь образовательное значение» [Багалеи и др. 1906: 77]. Действительно, такие проблемы, как, например, о влиянии пищи на здоровье человека (с этой темой выступал В. Дрейсиг) или о том, «что такое деньги?» (И. Ланг), «сельское хозяйство и связанные с ним ремесла как основа богатства государства» (К. Нёльдехен)⁹, «о вероятной излечимости почти всех болезней» (Л. Ванноти), не могли не вызвать любопытства у местной публики. Так, после речи профессора А. Стойковича «О причинах, делающих воздух неспособным для дыхания, и о средствах, предохраня-

⁹ В этой «речи» Карл фон Нёльдехен обращал внимание на позитивный опыт Европы, в частности, он отмечал, что «английскую нацию следует признать нашей наставницей» [Nöldechen 1815: 6].

ющих его от совершенной порчи», губернатор И.И. Бахтин заинтересовался практическим решением проблемы для Харькова [Багалея 2004: 632]. Но главное, наверное, в том, что постепенно преодолевалось узкое понимание утилитаризма как блага государства и, одновременно, происходило введение в смысловое поле культуры идеи блага человека¹⁰. Именно так, по мнению Е.Н. Ярковой, утилитаризм стал нравственной основой консервативной модернизации [Яркова 2001: 198].

Ориентация на новые идеи. В речах (а порою даже в одной и той же!) весьма часто сочеталось старое и новое. Примером такой идейной эклектики может служить речь В. Перевощикова: «Что суть науки? На сей вопрос знаменитый Бюффон отвечает: они суть познание природы. Раздробим сие общее предложение: знать природу значит знать людей, знать окружающие нас физические тела, знать Бога»; «Будем же руководствоваться опытом, будем судить о мыслях и делах по их следствиям... но спокойно и с доверенностью предадим себя и человечество Провидению, которое правит его судьбою и ведет к цели Ему одному известной» [Перевощиков 1814: 13]. Соединялись также старые и новые авторитеты: «только просвещенный человек может повторять с Франклином слова Соломоновы: “мудрый носит долголетие в руке своей”» [там же: 6]. И в то же время в речах можно обнаружить осознанное новаторство и даже стремление противостоять господствовавшим взглядам: «Но сколь далеко от совершенства нынешнее воспитание женского пола! И не достигнет онаго, пока не будет и на правилах основанном. Я слышу тысячи голосов вопиющих противу сего мнения...» [Каменский 1812: 22]. Можно встретить и довольно смелые суждения. Например, в речи профессора Л. Якоба: «Никакое мнение не может более противоборствовать возвышению народного благоденствия, как суждение некоторых мрачных умов, что просвещение не целому народу, но только некоторым званиям прилично»; «В канцеляриях производятся одни только раболепные подражатели, но никогда не выходят из них сведущие государственные чиновники» [Якоб 1808: 69, 72].

Достаточно смелые по тем временам мысли можно обнаружить и в речах других ораторов: «...все болезни излечимы и только незнание врачей причиною, если больные умирают» [Ванноти 1818: 52]; «Людям просвещенным возможно все: они сильны изменить самую Природу» [Перевощиков 1814: 6]. В речах было немало и того, что выходило за рамки церковных догматов и традиций. Из-за такого рода вольнодумства против профессора Московского университета Д.С. Аничкова было возбуждено дело в Синоде, и прозвучало требование отстранить его от преподавания. Еще более известным стало «дело Мельманна», который был обвинен в «оскорбительных мыслях против христианской ре-

¹⁰ О такой эволюции утилитаризма пишет Е.Н. Яркова [Яркова 2001: 186].

лигии» и отрешен от должности в 1795 г. Подобная история произошла через двадцать с профессором Харьковского университета И. Шадам. Не поясняя ее суть [см.: Багалея 1889: 49–60; Абашник 2014: 146–155], приведем одну цитату из воспоминаний бывшего харьковского студента, в которой отразилось мнение местного общества: «на Шада указывали пальцами как на [...] распространителя неверия под оболочкой темного философствования» [Розальон-Сошальский 2008: 37]. По «особенным причинам», был уволен в 1819 г. из Казанского университета И.Е. Срезневский. М.Л. Магницкий усмотрел в его взглядах, которые были выражены и в актовой речи «Рассуждение о разных системах нравочения, сравненных по их началам», отход от христианского учения и увлечение деизмом [Гуревич 1909: 299].

Коммуникация. Проповедничество, по Кагарлицкому, воплощало собой новую для русской культуры модель социальной коммуникации [Кагарлицкий 2000: 245]. Можно ли сказать, что и актовые речи – это новая модель коммуникации? Да, наверное. Хотя, опять-таки, можно говорить и о продолжении традиции. Такие речи предполагали существование достаточно динамичного, урбанизированного общества. Но в то время только начался процесс урбанизации. Даже далеко не все университетские ораторы были настроены на такое динамичное общество. Вот цитата из речи профессора Тимковского: «Обращаются ли к сим предметам мыслящие жители больших городов? Да никогда не забудут они, что там политические истины, кружась вихрем, сообщаясь с быстротою, или сражаясь с пламенною живостию, мешаются важные с бранными, и препятствуют иному всматриваться в подлинное состояние вещей, в ближайшие потребности народа» [Тимковский 1808: 12].

Даже «просвещенная публика» по-разному воспринимала эти речи. И. Шад, оправдываясь, писал о ситуации, возникшей во время его речи «О возвращении Европе свободы» (1814): «В оном собрании... французский профессор осмелился, еще при чтении... речи, открыть тревогу и шум, в слух ругать меня поноснейшими именами, и даже требовать от ректора университета, чтоб стащили меня с кафедры» (РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 276а, л. 160об.). Со временем публика привыкла к «речам», стала лучше их понимать и реагировала на них благожелательно. Так, Рейт в послесловии к одной из речей отметил, что после выступления получил «в качестве дружественного послания» некоторые книги [Reith 1812: 63]. Очевидно, на степень понимания влияло то, что далеко не все речи оглашались по-русски. Некий путешественник Г. Рейнбек, в своих записках о России отметил: «...латынь остаётся единственным языком для чтения лекций в российских университетах иностранными профессорами. Потому как ни немецким, ни французским не владеет народ настолько, чтобы иметь необходимый запас знаний для слушания академических лекций» [Reinbeck 1806: 301–302].

Выводы. Влияние традиций проповеди на актовые университетские речи очевидно. Наследие доклассического (церковного) университета не исчезло с появлением университета классического (государственного), оно использовалось и по-новому прочитывалось в иных социокультурных условиях. Свою роль в актуализации этого наследия играло духовенство, которое не стояло в стороне от процесса становления университетов в Российской империи. Соответственно, в речах имеется немало из характерного для проповедей: это и общая направленность, и тематика, и авторитетный топос, и структура, и даже внешний вид опубликованных текстов. Но фиксируются и отличия: в речах можно встретить иные авторитеты (ученые и их труды), иную аргументацию (в большей степени построенную на рационализме, утилитарном подходе, на использовании цивилизационного опыта); несколько иную риторику – пафосность сменяется информационностью. Можно говорить о большей оригинальности речей, о возрастании роли личностного начала в повествовании, об определенной эволюции содержания и формы (более специальные темы, более сухое изложение¹¹). Как заметил В.С. Иконников, постепенно возрастал научный характер актовых речей [Иконников 1876: 542]. Конечно, речи одного периода порою сильно отличаются, а речи российских профессоров отличаются от речей иностранцев, в частности, “дух космополитизма” в речах профессоров-иностранцев контрастирует с призывами патриотического свойства, которые чаще звучат в речах российских профессоров. Фиксируются и “неявные дискуссии” на “местном уровне”.

Однако для массива речей в целом, более характерен синкретизм религиозного и светского, эклектичность взглядов (нередко провиденциализм сочетается с прагматизмом и просветительскими взглядами). В актовых речах профессоров соединились риторические и идейные новации с устоявшимися традициями. Этот материал является ценным источником для изучения проблемы сочетания светского и религиозного в процессах культурного наследования, а также адаптации заимствованных идей и практик в Новое время. Период актовых речей был переходным: речи занимают место между проповедью и публичной лекцией. Закат эпохи актовых речей начнется в конце 1830-х – 1840-е гг., когда получают распространение университетские публичные лекции, построенные на других основаниях [Бурмистрова 2002: 134]. Выступив в роли идейных центров модернизации, университеты Российской империи выполнили также важную задачу соединения культурных традиций и новаций, способствовали преодолению замкнутости социальных групп, становлению более целостного культурного пространства.

¹¹ Речь Б. Рейта «Дух литературной культуры стран Востока и Запада» уже, по сути, научный доклад на историческую тему [Reith 1812: 63].

Источники

- Сокращения:* РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ИР НБУВ – Институт рукопису Национальної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (Київ)
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- Аничков Д.С. Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изыясняющих: На высокаторжественный и всерадостный день рождения ея императорскаго величества, всепресветлейшия державнейшия великия государыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийския, премудрыя законодательницы и истинныя матери отечества. М., 1783.
- Афонин М. Слово похвальное всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской. В публичном Императорскаго Московскаго университета собрании говоренное, онагож Университета истории натуральной и земледелия экстраординарным профессором Матвеем Афониним апреля 24 дня, 1774 года. [М.], [1774].
- Белен-де-Баллю Я. Общественное или домашнее воспитание преимущественнее // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1807 года. Харьков, 1807, 54–76.
- Ваннотти Л. О вероятной излечимости почти всех болезней // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1818 года. Харьков, 1818, 31–53.
- Джунковский В. Об изящных искусствах у греков и влиянии их на нравственность // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1819 года. Харьков, 1819, 3–40.
- Делавинь Ф. [О ежегодном истощении лесов и о необходимости их восстановления и сохранения] // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорскаго Харьковского университета, 30 августа 1817 г. Харьков, 1818, 41–65.
- Иннокентий (Платонов). О могуществе веры как во святой церкви вообще, так в верующих порохов во все времена и во всех состояниях. Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Московскаго университета июля 3го дня 1825 года. М., 1825.
- Каменский И. О физическом воспитании детей, и о влиянии его на умственное и нравственное состояние их // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 17 января 1812 года. Харьков, 1812, 3–25.
- Ланг И. Об изучении Юридических и Политических наук // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1810 года. Харьков, 1810, 85–101.
- Лобачевский Н. Из речи “О важнейших предметах воспитания” // П.А. Лебедев, сост. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987, 172–177.
- Лубиновский Ф.П. Воспоминания // Русский архив, 1, 1872, 98–185.
- Могилевский А. Российская риторика основанная на правилах древних и новейших авторов. Харьков, 1824.
- Неслуховский Ф.К. Из моих воспоминаний // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців, 1, Харків, 2008, 208–240.
- Никольский Г. Слово о достоинстве и важности воспитания и просвещения, основанных на Вере Христовой, произнесенное в торжественном собрании Казанскаго университета 17 января 1821 года // Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском университете, 5, 1821, 21–63; 6, 1821, 65–84.
- Перевощиков В. Речь, говоренная при торжественном открытии имп. Казанскаго университета 5 июля 1814 года. Казань, 1814.
- Рейхель И.Г. Слово, говоренное, по совершении высочайшаго коронования, ея всепресветлейшаго величества, благочестивейшия великия государыни, Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы всероссийския, в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета октября 3 дня, 1762 года [М.], [1762].
- Розальон-Сошальский А.Г. Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців, 1. Харків, 2008, 33–39.
- Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час. Харків, 2001.

- Роммель Х. О преимуществе и силе истинного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1811 года. Харьков, 1811, 48–58.
- Сохацкий П. Торжественное слово на полувековой юбилей имп. Московского университета, празднованный 1805 года июня 30 дня // Торжественные речи в полувековой имп. Московского университета юбилей, говоренныя июня 30 дня 1805 года, [М.], 19–28.
- Срезневский И. Рассуждение о разных системах нравоучений сравненных по их началам, говоренное в торжественном собрании имп. Казанского университета. Казань, 1817.
- Срезневский И. Слово о благодарениях Промысла Божия, в Царствование благословенного племени Романова на Россию ниспосланных // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 25 декабря 1814 года в память избавления Отечества от лютого и сильного врага. Харьков, 1815, 3–35.
- Стойкович А. О причинах, делающих воздух неспособным для дыхания, и о средствах, предохраняющих его от совершенной порчи // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1811 года. Харьков, 1811, 3–38.
- Сырейщиков Е. Речь о пользе нравоучения при воспитании юношества: На высокоторжественный и всерадостный день восшествия на престол ея императорского величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския... М., [1783].
- Тимковский И. О применении знаний к состоянию и цели Государства // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1808 года. Харьков, 1808, 3–28.
- Тимковский И. О поместях // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 июня 1810 года. Харьков, 1811, 1–65.
- Успенский Г. О том, что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других Государств // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1809 года. Харьков, 1809, 13–33.
- Филоматский Е. Об истинной цели образования человека посредством Наук и Изящных Искусств // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1818 года. Харьков, 1818, 29–43.
- Цветаев Л. Слово о взаимном влиянии Наук на Законы и Законов на Науки: На день торжественного празднования имп. Московского университета... в публичном оногo университета собрании июня 30 дня 1805 г. // Торжественные речи в полувековой имп. Московского университета юбилей, говоренныя июня 30 дня 1805 года, [М.], 30–47.
- Цебриков М.Р. Путешествие из Петербурга в Харьков. Харьков, 2013.
- Чеботарев Х. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению: На высокоторжественный день рождения ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Вторыя, премудрыя законодательницы и истинныя матери Отечества, в публичном собрании Имп. Московскаго университета, апреля 22 дня 1779 года.
- Шад И. О верховной цели человека // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1807 года. Харьков, 1807, 34–47.
- Шад И. О возвращении Европе свободы // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 25 декабря 1814 года в память избавления Отечества от лютого и сильного врага. Харьков, 1815, 1–28.
- Шаден И. Слово о праве обладателя в разсуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных: На день восшествия на всероссийский престол августейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины II истинныя матери отечества. [М.], 1771.
- Шевырев С. Обзорение столетнего существования Императорского Московского университета: Речь в день его столетнего юбилея в торжественном собрании 12 января 1855 года // ЖМНП, т. 85: 2, отд. 3, 1855, 31–54.
- Шумлянский П. Студент, окончивший курсы наук // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1808 года. Харьков, 1808, 3–11.
- Эразмус И. Слово на высокоторжественный день возшествия на всероссийский императорский престол ея императорского величества, благочествейшия великия государыни императрицы Екатерины II самодержицы всероссийския... говоренное июня 30 дня 1765 года. [М.], [1765].

- Эрдман И. Слово о выгодах, которые доставляет государству упражнение в науках, говоренное по случаю годичного торжества учрежденного в воспоминание открытия имп. Казанского университета июля 5 дня 1815 года. [Казань], [1815].
- Якоб Л. О влиянии университетов на образование и благосостояние народа // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1808 года. Харьков, 1808, 68–86.
- Nöldechen С. “Landwirthschaft und die mit ihr zusammenhängenden Gewerbe, sind die Grundlagen des Staatsreichthums” // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1815 года. Харьков, 1815, 1–11.
- Reinbeck G. Flüchtige Bemerkungen auf eine Reise von St. Petersburg über Moskau, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805, 1. Leipzig, 1806.
- Reith В. Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 17 января 1812 года. Харьков, 1812, 53–63.
- Umlauf L. De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 17 января 1806 года. Харьков, 1806, 15–22.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашник В.А. Харьковская университетская философия (1804–1920), 1. Харьков, 2014.
- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Багалей Д.И. Удаление профессора Шада из Харьковского университета // Записки Харьковского университета, 1, 1889, 49–60.
- Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета, 1, // Вибрані твори, 3. Харків, 2004.
- Багалей Д.И., Бузескул Н.Ф., Сумцов Н.Ф. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906.
- Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам, 1, С-Петербург, 1904.
- Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002.
- Гуревич П. Срезневский Иосиф Евсеевич // А.А. Половцов, ред., Русский биографический словарь, 19: Смеловский – Суворина. С-Петербург, 1909, 298–300.
- Елеонская А.С., Проблематика “слов” М.В. Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // А.С. Курилов, ред., Ломоносов и русская литература. М., 1987, 126–145.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы, 10, 1876, 492–550.
- Кагарлицкий Ю.В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода, 1700–1775 гг. (дисс. [...] канд. филол. наук). М., 1999.
- Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // А.М. Молдован, В.В. Калугин, ред., Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000, 243–258.
- Кагарлицкий Ю.В. Некоторые аспекты изучения истории культуры переходного типа: русская проповедь XVIII века как источник // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000 (а), 211–216.
- Костин А.А. Торжественные акты научных собраний XVIII века (Петербургская Академия наук и Московский университет) // П. Бухаркин и др., ред. Оккациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010, 413–424.
- Матвеев Е.М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе). С-Петербург, 2009.
- Посохов С.И. Актовые речи профессоров-иностранцев Харьковского университета первой четв. XIX в.: трансфер университетской идеи // Вопросы образования, 2008, 3, 264–275.
- Посохов С.И. Механизмы саморепрезентации университета: торжественные акты в университетах Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Вип. 87: 8, 2011, 15–18.
- Посохов С.И. “Актовые речи” профессоров российских университетов второй половины XVIII – первой трети XIX в. как исторический источник и памятник культуры // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск, 2015, 197–200.

- Рославский-Петровский А.П. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования // ЖМНП, т. 87: 7, отд. 5, 1855, 1–36.
- Сиповская Н.В. Праздник в русской культуре XVIII века // Е.В. Дуков, сост. Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000, 28–42.
- Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // ЖМНП, т. 128: 10, отд. 2, 1865, 9–172.
- Шевырев С.П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М., 1998.
- Яновский Л. Харківський університет на початку свого існування (1805–1820). Харьков, 2004.
- Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001.
- Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies, Vol. 3: 2, 2014, 175–193.

REFERENCES

- Abashnik V.A. Har'kovskaya universitetskaya filosofiya (1804–1920), 1. Har'kov, 2014.
- Averincev S.S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. M., 1996.
- Bagalej D.I. Udalenie professora Shada iz Har'kovskogo universiteta // Zapiski Har'kovskogo kniversiteta, 1, 1889, 49–60.
- Bagalej D.I. Opyt istorii Har'kovskogo universiteta, 1, // Bagalej D.I. Vibrani tvorci, 3. Harkiv, 2004.
- Bagalej D.I., Sumcov N.F., Buzeskul N.F. Kratkij ocherk istorii Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905). Har'kov, 1906.
- Bulich N. Iz pervyh let Kazanskogo universiteta (1805–1819): Rasskazy po arhivnym dokumentam, 1, S-Peterburg, 1904.
- Burmistrova L.P. Publichnye lekcii professorov i prepodavatelej Kazanskogo universiteta: XIX v. Kazan', 2002.
- Gurevich P. Sreznevskij Isosif Evseevich // A.A. Polovcov, red., Russkij biograficheskij slovar', 19: Smelovskij – Suvorina. S-Peterburg, 1909, 298–300.
- Eleonskaya A.S., Problematika “slov” M.V. Lomonosova i russkaya oratorskaya proza perekhodnogo vremeni // A.S. Kurilov, red., Lomonosov i russkaya literatura. M., 1987, 126–145.
- Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M., 1996.
- Ikonnikov V.S. Russkie universitety v svyazi s hodom obshchestvennogo obrazovaniya // Vestnik Evropy, 10, 1876, 492–550.
- Kagarlickij Yu.V. Ritoricheskie strategii v russkoj propovedi perekhodnogo perioda, 1700–1775 gg. (diss. [...] kand. filol. nauk). M., 1999.
- Kagarlickij Yu.V. Propoved' kak istochnik po istorii russkoj slovesnoj i intel'lektual'noj kul'tury XVIII v. // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. M., 2000, 243–258.
- Kagarlickij Yu.V. Nekotorye aspekty izucheniya istorii kul'tury perekhodnogo tipa: russkaya propoved' XVIII veka kak istochnik // Istoriya i filologiya: problemy nauchnoj i obrazovatel'noj integracii na rubezhe tysyacheletij. Petrozavodsk, 2000 (a), 211–216.
- Kostin A.A. Torzhestvennye akty nauchnyh sobranij XVIII veka (Peterburgskaya Aka-demiya nauk i Moskovskij universitet) // P. Buharkin i dr., red. Okkazonal'naya literatura v kontekste prazdnichnoj kul'tury Rossii XVIII veka. SPb., 2010, 413–424.
- Matveev E.M. Russkaya oratorskaya proza serediny XVIII veka (Panegirik v svetskoj i duhovnoj literature). S-Peterburg, 2009.
- Posohov S.I. Aktovyie rechi professorov-inostrancev Har'kovskogo universiteta pervoj chetverti XIX v.: transfer universitetskoj idei // Voprosy obrazovaniya, 2008, 3, 264–275.
- Posohov S.I. Mekhanizmy samoreprezentacii universiteta: torzhestvennye akty v universitetah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.) // Visnik Chernigivskogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu. Ser. Istorichni nauki, 87: 8, 2011, 15–18.
- Posohov S.I. “Aktovyie rechi” professorov rossijskih universitetov vtoroj poloviny XVIII – pervoj treti XIX v. kak istoricheskiy istochnik i pamyatnik kul'tury // Aktual'nye problemy istochnikovedeniya. Vitebsk, 2015, 197–200.
- Roslavskij-Petrovskij A.P. Ob uchenoj deyatelnosti Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta v pervoe desyatiletie ego sushchestvovaniya // ZMNP, t. 87: 7, отд. 5, 1855, 1–36.

Sipovskaya N.V. Prazdnik v russkoj kul'ture XVIII veka // E.V. Dukov, sost. Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII–XIX vv. Oчерki istorii i teorii. SPb., 2000, 28–42.

Suhomlinov M.I. Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra I // ZMNP, t. 128: 10, otd. 2, 1865, 9–172.

Shevryev S.P. Istoriya Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu. 1755–1855. Reprintnoe izdanie. M., 1998.

Yanovskij L. Harkivs'kij universitet na pochatku svogo isnuvannya (1805–1820). Har'kov, 2004.

Yarkova E.N. Utilitarizm kak tip kul'tury: konceptual'nye parametry i specifika Rossii. Novosibirsk, 2001.

Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies, Vol. 3: 2, 2014, 175–193.

Посохов Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой историографии, источниковедения и археологии, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина); *sposokhov@karazin.ua*

Preaching traditions in the address speeches of university professors in the Russian Empire (second half of the 18th - the first third of the 19th c.)

The author views sermon as a foundation for other cultural texts. In this case, the study is focused on the influence of the tradition of preaching on professorial addresses delivered at University ceremonial occasions in the late 18th – early 19th cc. the following parameters have been compared: intended audience, structure, topics, rhetoric, arguments, topoi. It has been concluded that sermons influenced university orations considerably. However, it can be argued that in the professorial addresses established traditions co-existed with rhetorical and ideological innovations.

Keywords: preaching traditions, commencement address speeches, universities, cultural inheritance, rhetoric

Sergiy I. Posokhov, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Historiography, Source Studies and Archaeology, V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; *sposokhov@karazin.ua*